

Г.Г. Шпет / Comprehensio

ПЯТЫЕ ШПЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Г. Г. ШПЕТА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

УДК 1 (091)

ББК 87.3

Т 28

Ответственный редактор — канд. филос. наук О.Г. Мазаева

Рецензенты:

д-р филос. наук В.И. Молчанов (г. Москва),

д-р филос. наук В.В. Чешев (г. Томск)

Творческое наследие Г. Г. Шпета в контексте современного гуманитарного знания: Г.Г. Шпет / Comprehensio. Пятые Шпетовские чтения: Сборник статей и материалов международной научной конференции 1–5 декабря 2008 г. / Отв. ред. — О.Г. Мазаева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — 364 с.

ISBN 978-5-7511-1935-5

В сборнике представлены материалы, посвящённые исследованию актуальных философских и гуманитарных проблем идейного наследия Г.Г. Шпета.

Для философов, культурологов, представителей всех гуманитарных областей знаний, академической и вузовской сферы, студентов.

УДК 1 (091)

ББК 87.3

Организаторы и участники конференции благодарят Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ, проект № 08-03-14027г); Совет по грантам Президента РФ (проект № НШ-5887.2008.6); руководство Томского государственного университета и философского факультета за поддержку по проведению конференции и публикации сборника

ISBN 978-5-7511-1935-5

© Томский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Мазаева О.Г. К истории исследования творческого наследия Г.Г. Шпета....	3
Вендитти М. (Venditti M.) Переключка Г. Шпета и О. Мандельштама в вопросах о слове и языке	24
Гидини М.К. (Ghidini M.C.) Философии жизни и шпетовское наследие у авторов ГАХН.....	35
Гладкова И.В. Г.И. Челпанов как учитель Г.Г. Шпета	50
Гогтишвили Л.А. Ранний Шпет: мотивация и цели поворота феноменологии к «языковому сознанию»	54
Гусельцева М.С. Наследие Г.Г. Шпета и современная культурная психология	69
Давиленко В.М. Слово и Поступок. Диалог в философских системах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина.....	76
Денн М. (Denn M.) Новый взгляд на герменевтику через творчество Густава Шпета.....	80
Евстропов М.Н. Проблема смысла в творчестве Густава Шпета и Эмманюэля Левинаса: энгелесхия и керигма	90
Зинченко В.П. Культурно-философские истоки проблемы непосредственности (размышления психолога)	102
Инишев И.Н. Феноменология и языковая прагматика: мотив медиальности и перформативности в современной философии языка.....	113
Ионайтис О.Б. Г.Г. Шпет о В.Н. Татищеве	122
Колодий Н.А. Опыт феноменолого-трансценденталистского обоснования Истории.....	127

родой человека. Хотя на самом деле надо было бы говорить о ней как о первой, истинно человеческой природе. Почему же мы стыдливо говорим о природном в человеке? Видимо потому, что мы вольно или невольно отождествляем природное с биологическим, а под последним понимаем животное, что вовсе не следует из этого термина. Натуральность и непосредственность в контексте разговора о человеке синонимичны родовому, природному, человеческому (что вовсе не противоречит тому, что культура, как и овладевший ею человек, артефакты). И эти природные силы умножают уровни опосредования, в свою очередь, порождающего новое непосредственное.

В сфере познания и действия взаимоотношения между непосредственным и опосредованным не столь драматичны, как в более «высоких» сферах: оппозиции (личность — свобода) и (субъект — функция) или (со-весть — интуиция) и (сознание — опыт, дискурсия). Тем не менее и в рассмотренной сфере они достаточно сложны. Непосредственное усмотрение, конечно, замечательно, но на нем далеко не уедешь, его приходится объективировать, обосновывать (хотя бы самому себе), а порой себя смирять, становясь на горло собственной песне. Опосредованное знание — не менее замечательно, но собственные импульсы его развития и саморазвития весьма ограничены. Они увеличиваются, когда опосредованное знание становится живым, а заученное действие — свободным. Думаю, что пока рано подводить итоги размышлениям относительно взаимоотношений непосредственного и опосредованного. Лучше поставить многоочные...

И.Н. ИНИШЕВ
Вильнюс, Литва

Феноменология и языковая прагматика: мотив медиальности и перформативности в современной философии языка

1. «Поворот к языку»

«Литвиристический поворот», или «поворот к языку», по праву связывают с возникновением и развитием аналитической философии. Майкл Даммит так характеризует специфику аналитической философии: «Аналитическую философию в ее различных проявлениях отличает от других философских школ вера в то, что, во-первых, философское уяснение природы мышления может быть достигнуто посредством уяснения природы языка, и, во-вторых, что это всестороннее уяснение может быть дос-

тигнуто только таким образом»¹. Эта формулировка, на наш взгляд, достаточно точно отражает генетическую связь современной философии языка с эпистемологической проблематикой. Это касается в равной степени обеих ее версий: как аналитической, так и феноменологически-герменевтической. Язык поначалу рассматривался главным образом в перспективе вопроса об условиях возможности объективного, или научного, знания. В послевоенном философствовании утвердился иной, более широкий взгляд на роль языка в нашем взаимодействии с миром.

Сегодня есть основания трактовать «лингвистический поворот» в расширительном смысле, согласно которому проблематика языка не остается в тесных дисциплинарных рамках теории познания, но составляет генеральный тренд всего современного — или «постметафизического» — философствования. В «постметафизическую эпоху», эпоху дефляции философских когнитивных амбиций, едва ли можно говорить о «первой философии» как всеобщем эпистемологическом, либо априорном, фундаменте. Однако в условиях «детрансцендентализации» или утверждения принципиально внутримирового характера философского знания, пожалуй, лишь «философия языка» или, вернее, лингвистически ориентированная философия могла бы выступить в роли своего рода субститута первой, или трансцендентальной, философии. Отличие лингвистически ориентированной, или лингвистически инспирированной, философии языка от философии языка в тесном, или собственном, смысле слова состоит в том, что язык для такой философии — это не только приоритетная тема и не только методологическое априори. Язык для нее — это и до конца нетематизируемая среда, причем как дотеоретического отношения к миру, так и самого философствования.

Эти три понятия: тема, (когнитивное) априори, (не объективируемая) среда, как нам представляется, не только характеризуют тематическое поле лингвистической философии, но и маркируют собой основные этапы ее развития: от философии языка XIX в. (Гердер, Гаман и Гумбольдт) до языковой прагматики последних десятилетий. Последний — современный — этап характеризуется тем, что лингвистически ориентированная философия выходит за рамки своего первоначального самосознания. Другими словами, она хотя и не отказывается от идеи «лингвистического поворота», однако стремится к преодолению его первоначальной — лингвоцентристской — трактовки.

Примечательно, что этот «ревизионизм» в самосознании современной философии языка — результат развития внутренней логики «лингвистического поворота». Помимо прочего, на это указывает и то обстоятельство, что «пусковым механизмом» завершения лингвистического поворота, состоящего, главным образом, в преодолении лингвоцентризма, или гипостазирования языка, послужила проблема-

тика языкового значения, центральная для развития аналитической традиции в послевоенный период, а главное, в конечном итоге центральная для всей философии языка. Преодоление «лингвоцентризма» — это, прежде всего, отказ от строгого разграничения «языкового» и «неязыкового». Этот отказ, в свою очередь, включает в себе пересмотр ряда базовых параметров «языкового феномена», который отныне неотделим от разнообразных своих воплощений. Иными словами, последовательное различение языка как системы и языка как разнообразных форм ее «инплементации» становится малоосмысленным. Язык обнаруживает себя не столько как род сущего, сколько как род практики, или опыта.

Однако некоторые представители так называемой «философии нормального языка», к которой следует причислить не только философов-аналитиков, но и герменевтических феноменологов, идут дальше, отказывая самому языковому опыту в специфическом характере. Такие авторы, как Витгенштейн, Дэвидсон и Гадамер, склонны утверждать, что специфически языкового опыта не существует, что опыт языка — это всегда тот или иной модус опыта мира. Таким образом, мы имеем дело с парадоксальной ситуацией, сложившейся на нынешнем этапе «лингвистического поворота»: *последовательная реализация идеи поворота к языку завершилась поворотом к миру*. При этом, конечно же, понятие мира претерпело существенные изменения. Об этой взаимосвязи «поворота к языку» и «поворота к миру» пойдет речь ниже.

2. «Поворот к миру», или Философия без лингвоцентризма

Один из выдвигаемых нами тезисов состоит в том, что метафора «движения от проблематики мира к проблематике языка и обратно» задает основной тематический спектр как аналитической, так и феноменологической философии.

Согласно другому нашему тезису, важнейшей предпосылкой и мотивационным основанием кооперации между аналитической и феноменологической философией, набирающей темпы в последние десятилетия, является не столько параллельность, сколько *разнонаправленность* их тематического развития. Эта предпосылка, возможно, не столь очевидна. Однако, по меньшей мере, не вызывает сомнений, что движение параллельными курсами едва ли способно послужить основой для взаимного интереса рассматриваемых теоретических позиций друг к другу. Поиск содержательных аналогий, пожалуй, — неизбежный этап в истории взаимоотношений философских исследовательских стратегий, которые на протяжении долгого времени игнорировали друг друга. Однако сегодня, как нам кажется, этого уже недостаточно.

Что касается разнонаправленности тематического развития аналитической и феноменологической философии языка, то она состоит в следующем: если феноменология продвигалась от проблематики (восприятия) мира к проблема-

¹ Dummett Michael. *Origins of Analytical Philosophy*. Harvard University Press; Cambridge, Massachusetts: Second printing, 1996. P. 4.

тике языка (коммуникативного опыта), то аналитическая философия проделала этот путь в обратном направлении. Из этой разнонаправленности проистекает *обратимость перспектив*, констатация которой имеет, как нам кажется, не только дескриптивный, но, прежде всего, эвристический характер. Эта обратимость перспектив может быть использована в качестве «путеводной нити» для пересмотра традиционного понимания соотношения мира и языка, назревшего в контексте аналитической теории значения.

Функцию «путеводной нити», присущей идее взаимной обратимости перспектив тематического развития феноменологии и аналитической философии, можно выразить в форме гипотезы, верификация которой способна составить одну из главных задач возможного кооперативного — «феноменологически-аналитического» — исследования.

Согласно этой гипотезе языковой характер мира коррелирует с мировым, или прагматическим, характером языка. Это, помимо прочего, означает, что «языковое» и «объективное», речевая и «направленная вовне» деятельности могут располагаться в одной плоскости. Иными словами, «языковое» и «внутримировое» не разделены онтологической пропастью, находящей свое парадигматическое выражение в оппозиции смыслового и каузального. Сжатая до лаконичной формулы, эта гипотеза звучит следующим образом: язык — это, с одной стороны, *имплицитный* фундамент, а с другой — *эксплицитный* генератор внутримировых содержаний. Этим намечается одна из возможностей преодоления основополагающей философской апории последних столетий: противоречивой связи трансцендентального и внутримирового, онтологического и онтического.

Третий из выдвигаемых нами тезисов звучит следующим образом: необходимая, т.е. из самой логики развития теории значения проистекающая, кооперация между аналитической и феноменологической философией способна эффективно использовать ресурсы не только герменевтической, т.е. эксплицитно лингвистической феноменологии, но и феноменологии (зрительного) восприятия.

Примером релевантности феноменологии восприятия для аналитической постановки вопроса в рамках проблематики соотношения мира и языка является семантический экстернализм Джона Макдауэла, нацеленный на преодоление онтологической дистанции между языковыми и перцептивными содержаниями. Главная задача философского проекта Макдауэла — нахождение выхода из «беспредельного колебания» между двумя крайними возможностями в вопросе о внутримировом характере языковых содержаний: «между когерентизмом и тщетными апелляциями к данному», или в других терминах: между дискурсивизмом и репрезентационизмом. Теоретическая позиция Макдауэла в ряде ключевых пунктов обнаруживает удивительное сходство с феноменологией воспри-

ятия Гуссерля и Мерло-Понти. Это касается как отправной точки — критики сциентистского натурализма, так и выбора методологической стратегии: ориентация на идею диффузии смыслового и чувственного. При этом использование феноменологического ресурса — если бы для Макдауэла это было возможно — могло бы привнести как минимум больше ясности в его концепцию.

Пример совместимости аналитических и феноменологически-герменевтических ресурсов и позиций дает медиалистская трактовка языкового опыта, представленная в философских концепциях Ханса Лишпса, Остина и Гадамера. Ее возможный вклад в философию повседневного языка состоит в ее способности прояснить *специфику*, а главное — *топику* лингвистического поведения, претендующего не на теоретическую дескрипцию внешнего мира, а на особый род эффективного вмещательства в его обдую конфигурацию.

Другими словами, одна из актуальных задач феноменологии состоит не столько в критике, сколько в критической кооперации с аналитической традицией в ее тенденции объединения философии языка и философии сознания, — естественно, в той мере, в какой эта тенденция мотивирована стратегической проблемой философии языка: проблемой значения. «Систематической» основой для такой кооперации является «открытость миру», составляющая основой — пусть и не всегда явный — мотив как аналитической философии языка, так и феноменологии.

Именно этот мотив, став эксплицитным в последнее десятилетие, инициировал завершение «лингвистического поворота». Примерами этого со стороны аналитической философии могут быть тот же Джон Макдауэл с его работой «Сознание и мир», а также теоретики «прямой референции», например Хилари Патнем. Со стороны феноменологической традиции — Гюнтер Фигаль, опубликовавший в 2006 г. монографию «Предметность: герменевтическое и философия», в которой он отстаивает как универсальность интерпретативного подхода к миру, так и известную автономию внутримировых содержаний по отношению к интерпретации. Как бы то ни было, в нашей связи важно отметить, что сегодня и аналитическая философия, и феноменология придерживаются в рамках проблематики языка единой стратегической линии и обнаруживают различия в «тактике». А конкретно в том, как именно ими реализуется идея трансцендирования языка в направлении внутримировых практик. Говоря иначе, основное различие между ними состоит в том, что каждая из них отдает предпочтение разным способам открытости языка миру. О *комплементарности*, а главное, о *структурной связи* этих способов открытости, пойдет речь в дальнейшем.

3. Способы открытости миру: феноменология восприятия — языковая прагматика

Итак, сосредоточенность «постметафизического мышления» на проблематике соотношения мира и языка ведет — на дисциплинарном уровне — к извест-

ной гибридизации философских теорий: теория языка объединяется с теорией восприятия, или сознания (1), с одной стороны, и с теорией социального взаимодействия (2) — с другой. Тем не менее и в рамках подобных гибридных, или комплексных, образований по-прежнему сохраняется дифференциация на различные теоретические позиции [например, различие (1) и (2)], в зависимости от того, какой тип опыта наделяется статусом парадигмы: (1) *опыт (базирующийся на зрении) перцепции* или (2) *опыт (основывающийся на слухе) диалогического взаимодействия*. Как следствие, в рамках аналитической традиции наблюдается — более или менее отчетливая — дифференциация на философию языка и философию сознания (*philosophy of mind*); в рамках феноменологической традиции — на феноменологию восприятия и феноменологию языка, или на дескриптивную и герменевтическую феноменологию.

Этой дифференциации соответствует — или, скорее, в ее основании лежит — различие двух основных способов «открытости миру»: перцепции и языковой коммуникации, соответственно двух теоретических подходов: феноменологии восприятия (от Гуссерля до Макдауэла) и языковой прагматики (от Витгенштейна до Хабермаса).

Четвертый из выдвигаемых нами тезисов звучит следующим образом:

Два этих теоретических подхода, соответственно, два этих способа открытости миру, включая гибридные формы, образуют структурную связь. На дисциплинарном уровне это означает, что феноменология сознания и языковая прагматика представляют собой теоретические стратегии, являющиеся индифферентными по отношению к различению феноменологической и аналитической исследовательских парадигм. Другими словами, они индифферентны по отношению к различению феноменологической и аналитической философских конфессий, т.е. представляют собой своего рода «сквозные тенденции».

Вопрос, ответом на который должны стать «феноменология сознания» и «языковая прагматика», понимаемые в качестве трансдисциплинарных стратегий, может быть сформулирован следующим образом: как внешний мир «входит» в языковые содержания и как языковые выражения могут быть локализованы во внешнем мире, не подвергаясь реификации?

Говоря иначе, главную проблему философии языка за пределами лингвистического поворота составляет проблема гетерогенности понятий мира и языка.

4. Интеграция перспектив феноменологии сознания и языковой прагматики. Медиальный, или перформативный, прагматизм

Теперь мы бы хотели предложить абрис решения проблемы гетерогенности этих понятий: мира и языка. Абрис включает в себя три элемента: (1) теоретические основания языковых импликаций перцептивного опыта, (2) теоретические основания реконфигурирующего, или креативного, воздействия экс-

плицитных форм речевого опыта на «внешнюю действительность» и (3) разработка парадигмы для интеграции имплицитных и эксплицитных языковых форм опыта в единую взаимосвязь.

1. Сегодня по-прежнему одной из важнейших предпосылок философских рефлексий о природе познания и языка остается совмещение двух перспектив во взгляде на природу человеческого опыта: «градуальной» и «полярной». Коммуникативный и перцептивный формы опыта составляют крайние точки спектра, заполненного различными ступенями и, соответственно, степенями отдаленности от чувственного восприятия и приближенности к языковой коммуникации. Эти ступени/степени совпадают со ступенями/степенями непосредственности контакта с миром. Наше предложение состоит в том, чтобы, сохранив схему, скорректировать ее трактовку.

Мы предлагаем трактовать «полюса» не дихотомически, т.е. не как опозицию перцептивного и языкового, а как две крайние формы «лингвистической наполненности» опыта. Тем самым в «градуальном срезе» мы будем иметь дело с различными степенями этой «наполненности». Благодаря этому, появляется возможность формирования более взвешенной, ибо комплексной, а главное, интуитивно более убедительной, позиции в рамках семантического экстернализма. Трансцендирование языкового значения в направлении исполнения пронизываемых для интерпретации коммуникативных практик уравнивается трансцендированием значения в направлении ригидной и полупрозрачной действительности, являющейся коррелятом перцептивного опыта. В итоге нам бы удалось если и не устранить вовсе, то, по меньшей мере, смягчить скептические импликации «лингвистического поворота». Появилась бы возможность рассматривать «язык» не только как неизбежность, но и как позитивное условие контакта с миром: не только как с дискурсивно конструируемым целым, но и как с интуитивным данным содержанием. Именно на это, как нам кажется, и нацелен проект Макдауэла, в частности, его концепт «содержаний *de re*», представляющих собой понятийные импликации перцептивного опыта. С точки зрения Макдауэла: «A judgement of experience does not introduce a new kind of content, but simply endorses the conceptual content or some of it, that is already possessed by the experience on which it is grounded»¹.

Вместе с тем Макдауэлу недостает теоретических ресурсов для обоснования своей позиции в этом пункте. Очевидно, что этим ресурсом способна послужить рефлексивная феноменология от Гуссерля до Шмитца, согласно которой не существует перцептивного опыта без смысловых (в терминах Макдауэла — понятийных) импликаций. В этом случае важно как раз то, что обоснование этого тезиса достигается интуитивно-дескриптивными, т.е. подчеркнuto

¹ McDowell J. *Mind and World*. Harvard College, 1995. P. 48–49.

не лингвистическими и не аналитическими средствами. Говоря иначе, здесь мы имеем яркий пример эвристического характера взаимной обратимости перспектив аналитического и феноменологического философствования о языке. Эта взаимная обратимость перспектив феноменологии и аналитической философии в данном случае конкретизируется в виде взаимной обратимости, а следовательно, комплементарности соответствующих исследовательских стратегий: аналитически-лингвистической и дескриптивно-интуитивной.

2. Для Макдауэла в рамках тематики соотношения мира и языка основная проблема заключалась в поиске возможности непосредственного «вхождения» перцептивных содержаний в понятия. Для теоретиков речевых актов, напротив, главный вопрос состоял в следующем: каким образом и в каком смысле определенные типы речевой деятельности не просто передают информацию о мире, а представляет собой специфическую форму воздействия на него? При этом необходимо заметить, что речь идет об эксплицитных формах языкового опыта. На первый взгляд, эксплицитные формы языкового феномена не имеют «логической» возможности воздействовать на внешнюю действительность, поскольку составляют часть объективного мира, размещаясь в нем. Однако, с другой стороны, находясь в «перформативной установке», участники коммуникации соотносятся с внутриязыковым смысловым контекстом, а не с предметным контекстом объективного мира. Этот последний доступен лишь с точки зрения наблюдателя, находящегося вне специфического пространства языковой интеракции. Возможность воздействия на внешний мир посредством «произнесения фраз» основывается, с нашей точки зрения, на двух основных факторах. Во-первых, принятие во внимание специфической топки, присущей исполнению «речевых актов» и наделенной их известной пространственно-временной автономией, заставляет признать особый внутримировой статус языковых содержаний. Говоря иначе, генерируемые в исполнении коммуникативных и ритуальных речевых актов содержания, контексты и диспозиции не только составляют неотъемлемую часть повседневного жизненного мира, но и конфигурируют его в целом. В этом отношении характерные для жизненного мира мультипликация и динамизация внутримировой предметности представляют собой одновременно основание и эффект перформативной сети социально релевантных речевых актов. Во-вторых, обладающий языковой природой донаучный жизненный мир образует своего рода первичную питательную среду для формирования и дистрибуции различных когнитивных и прагматических стратегий артикуляции «внутримировых содержаний».

3. Идея топологически истолкованной и онтологически фундированной «среды», в которой и в качестве которой исполняются различные типы языкового опыта, соответственно, генерируются различные по «онтологическому

статусу» внутримировые содержания, вполне могла бы послужить теоретическим основанием для нового взгляда на соотношение мира и языка. Идея и, соответственно, феномен языковой среды имеют два взаимосвязанных измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение — это измерение разнообразных и тем не менее образующих друг с другом структурную связь форм языкового поведения: от научного дискурса до повседневных речевых ритуалов. Вертикальное измерение затрагивает различные диспозиции в отношениях мира и языка: от почти полной ассимиляции языкового перцептивным до идеи языкового как генератора внутримировых содержаний, включая и их чувственные, или материальные, определенности.

Связь между горизонтальным и вертикальным измерениями, которые к тому же внутренне дифференцированы (градуированы), обеспечивается за счет высокой степени подвижности концептов, базовых для такого взгляда на соотношение мира и языка: медиума и медиальности. Интеграция этих концептов в философско-лингвистический дискурс могла бы, как нам кажется, поспособствовать тому, чтобы на смену дискретному представлению о взаимосвязи мира и языка, с одной стороны, и взаимосвязи различных языковых практик — с другой, пришла градуальная, или континуальная, точка зрения. В заключение мы перечислим некоторые преимущества «континуальной» модели по сравнению с «дискретной» и тем самым сделаем более рельефными преимущества медиалистской парадигмы в целом.

Во-первых, градуальная медиалистская перспектива позволяет преодолеть «онтологический разрыв» между миром и языком, не игнорируя при этом разнообразия форм опыта. Это означает, что, например, визуальное восприятие и чтение литературы уже не рассматриваются как антиподы, не противопоставляются друг другу как визуальное и вербальное, предметное и словесное. Скорее, речь в этом случае должна идти о различных «агрегатных состояниях» одного и того же, о состояниях единой среды, в которой и в качестве которой реализуются различные конфигурации жизненно-мирового, а стало быть организованного языковым образом опыта. Во-вторых, между двумя этими крайностями — (якобы) «исключительно перцептивным» и (якобы) «исключительно дискурсивным» — становится возможен переход, обретающий конкретное воплощение в отдельных формах нашей коммуникации с миром, которые не только необходимы с точки зрения жизненно-мировой прагматики, но и составляют структурные элементы целого нашего опыта. Например: формы речи, вплетенные в соответствующие «внутримировые» практики, дискурс экспериментальных наук, ритуальные речевые акты и пр. В-третьих, парадигма градуированного медиума позволяет рассматривать соотношение между нетеоретическими, соответственно, не объективирующими формами речи и научным, а

также социально-политическим дискурсом как структурно взаимосвязанные и пронизаемые в обоих направлениях. Не только в направлении от нетеоретической повседневной речи к ее объективирующим формам, но и в обратном: от базирующегося на негации (критике) дискурса к основывающемуся на аффирмации «герменевтическому диалогу». Это обеспечивается за счет того, что различные типы языкового опыта представляют собой различные констелляции одного и того же: перформативной медиальности. При этом переход от одной констелляции медиальности к другой сопровождается континуальным изменением конфигурации соотношения «мира» и «языка». Например: от (квази-)внутриязыковых содержаний эксплицитных речевых форм до (квази-)внеязыковых содержаний перцептивного опыта. В-четвертых, систематическая ориентация на парадигму градуального медиума обеспечивает последовательное исключение — в том числе и неявной — реификации языкового опыта.

О.Б. ИОНАЙТИС
Екатеринбург

Г.Г. Шпет о В.Н. Татищеве¹

Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения...

И. Кант

В своем «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпет уделяет много внимания личности и заслугам В.Н. Татищева, указывая, что и до него историки русской философии и культуры, такие как К.Н. Бестужев-Рюмин, С.М. Соловьев, считали Татищева значимой личностью в истории и культуре отечества. И как А.С. Пушкин назвал М.В. Ломоносова первым русским университетом, мы, считаем Шпет, можем назвать таковым же и Татищева. И даже более чем Ломоносова.

В.Н. Татищев является ярким и самобытным, но в то же время и во многом типичным, примером человека и мыслителя эпохи петровских преобразований. Татищев — дворянин, армейский офицер, главный советник Берг-коллегии сената, руководитель сибирских и уральских предприятий, губернатор

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «В.Н. Татищев: философ и политик», проект № 08-03-83301 а/У.